

песло деревяннымъ масломъ»; комильфотный кн. Андрей, ѣдущій къ арміи, тоже «съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти безконечныя команды, повозки... на это милое «православное воинство», вспомнилъ онъ слова Билибина...»

Гр. Толстой въ кн. Андрѣ *эстетически* воплощаетъ начало *ума*, апоѳеозу его, идеализируя ту гордость имъ, тотъ его внѣшній красивый блескъ, которые дѣлаютъ изъ него одно изъ упоминаемыхъ въ «Исповѣди» «красивыхъ золь», «красивыхъ проявленій индивидуальной силы», «боговъ»... Въ этомъ богѣ, въ этой «силѣ» онъ заставляетъ кн. Андрея почерпнуть всѣ его честолюбивыя замыслы, всѣ главныя его цѣли въ жизни, его глубокій, красивый скептицизмъ, которому онъ, въ лицѣ Пьера Безухова, такъ удачно выставилъ живое противоположеніе этическихъ началъ человѣка искренняго, болѣе чувствующаго, чѣмъ думающаго, болѣе вѣрующаго, чѣмъ сомнѣвающагося... И въ кн. Андрѣ тоже, въ концѣ концовъ, произойдетъ переломъ, этическая сторона его натуры возьметъ верхъ, но пока это произойдетъ, пока онъ *найдетъ себя*, «обрѣтетъ себя» въ этическомъ смыслѣ, — онъ передъ нами во всеоружіи своей воображаемой, боготворимой силы красиваго ума, красиваго и изящнаго скептицизма и разочарованности жизнью и людьми, словомъ — въ томъ знакомомъ намъ положеніи «примѣриваній» къ себѣ наружныхъ этическихъ идеаловъ, въ которомъ мы уже не разъ заставляли его предшественниковъ. Мы не знаемъ какимъ путемъ, цѣною какой *ломки* надъ собою досталось кн. Андрею это искусство его *казаться*, это убѣжище «невѣрующаго ума», въ которомъ онъ на видъ, такъ прочно и серьезно засѣлъ, тогда какъ, въ сущности, такъ эстетично спрятался, — не знаемъ, потому что у гр. Толстого, до кн. Андрея, — между нимъ и послѣднимъ его предшественникомъ, описаннымъ въ «Запискахъ маркера» и покончившимъ съ собою такъ трагично, — мы не имѣемъ промежуточнаго типа,